

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И МЕСТНЫЕ СООБЩЕСТВА

«СЛУЖЕБНЫЕ РАДОСТИ»: ЧЕМ КОРРУПЦИЯ ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА? (ФИЛОСОФСКИЕ РЕФЛЕКСИИ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ)

Лоскутов В. А.

доктор философских наук, профессор, научный руководитель Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, д. 66, vladimir.loskutov@ui.ranepa.ru

УДК 1:343.35
ББК 60.027.2

В статье анализируется система отношений взятки, взяточничества и коррупции, способы превращения взяточничества в коррупцию и, наоборот. Доказываются тезис о том, что коррупция является такой системой и способом производства взяточничества, которая основана на определенной форме собственности на власть и свободу. Освобождение свободы от свободы и установление власти над властью и обществом открывает в коррупции ее сущность – властное принуждение к несвободе. Она опосредует процесс овладения обществом своей несвободой. В результате чего общество становится универсальным субъектом коррупции.

Ключевые слова: взятка, взяточничество, коррупция, свобода, власть, собственность, общество.

“SERVICE JOY”: WHAT DOES CORRUPTION DIFFER FROM CAPTIVITY? (PHILOSOPHICAL REFLECTIONS ON A GIVEN TOPIC)

Loskutov V. A.

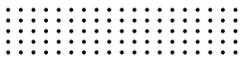
Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the Ural Institute of Management – branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 620990, Russia, Yekaterinburg, March 8 str., 66 vladimir.loskutov@ui.ranepa.ru

The article analyzes the system of relations of bribes, bribery and corruption, ways to turn bribery into corruption and vice versa. Proves the thesis that corruption is such a system and method of producing bribery, which is based on a certain form of ownership of power and freedom. The liberation of freedom from freedom and the establishment of power over power and society opens in corruption its essence – power coercion to the lack of freedom. It mediates the process of mastering the society of their freedom. As a result, society becomes a universal subject of corruption.

Key words: bribe, bribery, corruption, freedom, power, property, society.

Вопрос об отличии взяточничества от коррупции и, наоборот, это вопрос не о том, как они существуют и взаимодействуют друг с другом, а о том, что есть их сущность и как возможно ее бытие. Казалось бы,

и то, и другое представляют собой лишь, как писал М. Салтыков-Щедрин «служебные радости» нашей жизни, которые одних радуют, других печалят. Те, кто не радуются, не то, чтобы просто печалятся, но пыта-

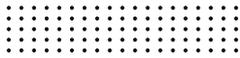
Лоскутов В. А.

ются как-то бороться с теми, кто радуется. И очень часто, в пылу борьбы теряют из виду тот объект, который их печалит, что заставляет их судорожно конструировать из того, что остается на виду различного рода социологические, юридические, политологические, экономические, психологические, этические и т.п. образы исчезающей натуры. В результате «мантра-образного» сведения полученных таким образом абстракций к единому основанию, а им почти всегда является почти каноническое определение коррупции и взяточничества в качестве некоторых социальных явлений – как будто это что-то объясняет, боль утраты затихает, но мучения научной совести и жажда концептуальной борьбы становится невыносимыми. Для того, чтобы понять этот странный феномен, достаточно проанализировать даже не содержание уже осуществленных исследований, но просто непредвзятым взглядом посмотреть на российскую библиографию по данной теме за последние десять – пятнадцать лет¹. Если внимательно рассмотреть весь этот необязательный, но действительный, год от года увеличивающийся рукотворный вал тезисов и мыслей, то легко можно увидеть, почувствовать некие идущие от него скрытые сигналы, свидетельствующие отнюдь не о хаосе первоначального накопления идей и умонастроений, а о наличии хоть и несколько странной, но вполне себе организованной работы по, может быть пока еще и экстенсивному, но уже вполне осмысленному освоению предметной области поиска. Услышать в постоянно нарастающем, сопровождающем нашу практическую жизнь интеллектуальном шуме некие устойчивые и повторяющиеся шорохи и звуки. Прислушаемся! Во-первых, желание борьбы с коррупцией явно превалирует над желанием, прежде чем ее окончательно и бесповоротно победить, попробовать сначала понять и объяснить, что же это было и есть такое. Во-вторых, у тех, кто все-таки пытается это сделать, более, или менее концептуально, содержательно точно определить предмет своих возжеланий, наблюдается откровенный профессиональный флюс – акцент на правовую составляющую проблемы. При этом, очень часто социологические, экономические, политологические, психологические и иные способы ее исследования оказываются всего лишь не всегда даже обязательным фоном для формирования сугубо юридической картины коррупционного мира. В-третьих, сегодня доминирует сугубо описательная, что для нас очень важно – слабо философски и методологи-

чески фундированная парадигма изучения коррупции и взяточничества. Отсюда, выводы, к которым приходят отдельные специалисты, в основном те из них, для которых тема коррупции является откровенно ангажированной в своей практической актуальности, проходной и второстепенной, являются, не всегда, но очень часто, абсолютно самодостаточными в своей тривиальной теоретической беспомощности и практической ненужности. В-четвертых, возникает серьезное сомнение в том, что выбор, который иногда вынужденно, иногда осмысленно и лично делают различные исследователи темы коррупции между политической целесообразностью и истиной не всегда является вполне осознанным и в некоторых случаях диктуется какими-то привходящими обстоятельствами. В-пятых, теоретические, методологические, эмпирические инструменты и процедуры, которые используются в целях реконструкции сути и смысла проблемы коррупции подобраны исходя не из необходимости реконструкции данного предметного поля исследований и а из того арсенала, который для этих авторов привычен, понятен, уже доказал свою эффективность во многих иных научных изысканиях. Отсюда возникает своеобразный эффект их «разбегания» и «набегания» друг на друга, при котором в значительной степени теряется присущая им и уже доказанная ясность и продуктивность. В-шестых, существующие исторические исследования феномена коррупции, а их, как мы знаем, совсем немного, в силу недостаточной концептуальной и методологической проясненности исходных идей и принципов, носят сугубо линейный и описательный характер. Их объяснительный потенциал, который бы открывал возможности для теоретического прогнозирования будущего существования и развития различных проявлений коррупции существенно ограничен и не позволяет в достаточной мере обоснованно формировать возможные стратегии долговременной борьбы с ней.

Кого-то может удивить то, как, основываясь лишь на анализе библиографии по теме коррупции, который, фактически, в данной статье представлен лишь в самом общем виде, мы пришли к столь однозначным и неудобным выводам. Однако, ничего удивительного в этом нет, ибо даже списочный состав всех этих работ говорит сам за себя. Достаточно лишь присмотреться к тому, как он организован во времени и пространстве, для того, чтобы увидеть за повторяющимися из года в год идеями, фабулами, мнениями, сомнениями,

¹ См. например: Антикоррупционные библиографии – Проектно-учебная лаборатория антикоррупционной политики. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» М., 2017 (lap.hse.ru/anticorrbiblio); Библиография материалов по коррупции на русском языке (anti-corr.ru), с. 134; Библиография по теме «противодействие коррупции». Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (Сост.: Алексеева П. А., Журавлева О. О., Лукьянова В. Ю., Цирин А. М.). М., 2012, с. 42

Лоскутов В. А.

ожиданиями некие общие закономерности и устойчивые в своей тривиальности дискурсы. Увидеть за деревьями лес не просто, но иногда это единственный способ вообще что-либо увидеть.

На страницах разнообразных сборников тезисов сопровождающих множество плановых и сверхплановых научных и научно-практических конференций посвященных коррупции и взяточничеству общими усилиями эти страшные и уродливые проявления нашей асоциальной жизни разоблачаются, приговораются к позорному столбу и в отдельных, очень небольших сегментах общественной жизни, судя по теоретическим отчетам с мест, искореняются. И, если при этом, на кристально чистом небосклоне массовой антикоррупционной борьбы, появляются отдельные затемнения и замутнения, если в лучах заходящего солнца все еще кое-где видны отдельные недостатки в борьбе против нее, то это является лишь показателем непреходящей актуальности темы исследования и важнейшим стимулом к написанию еще большего количества кандидатских диссертаций на заданную тему.

Причем же здесь, спросит заинтересованный читатель, вопрос о взаимоотношении коррупции и взяточничества? Мы готовы разделить с ним искреннее недоумение по данному поводу, однако, если также как и мы, он вспомнит о том, что история науки знает множество примеров того, как некая банальность, тривиальный посыл и ничего не значащий образ могут неожиданно стать своеобразной точкой роста, точкой опоры для кардинальной трансформации всей предметной и проблемной сферы поиска. По нашему мнению, обоснованию которого и посвящена настоящая статья, ответ на этот вопрос обладает именно таким потенциалом.

Для того, чтобы относительно безболезненно покинуть тихую гавань всякого рода псевдо теоретических банальностей, преодолеть разрушительный вал риторических заклинаний и идеологических клише следует не только более четко и определенно зафиксировать предметные границы поиска и пределы его проблематизации, но и кардинальным образом изменить его целеполагание. Сделать это не так просто, но и не так сложно, как может показаться на первый взгляд. Если мы пытаемся раскрыть, понять сущность коррупции и объяснить становление бытия этой сущности, то следует помнить, что единственная дверь в потаенные, скрытые от любопытных взглядов сферы ее бытия может находиться там, где ее никто и никогда не искал, буквально, на виду. В нашем случае, эту роль исполняет, казалось бы, давно уже решенный, находящийся на периферии поиска и используемый лишь в качестве пустой идентификационной метки, свидетельствующей о том, что мы всегда готовы объять необъятное, вопрос о взаимоотношении коррупции и взяточниче-

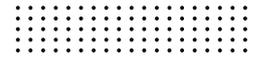
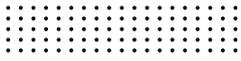
ства. Во всяком случае, мы в своем исследовании исходим именно из этой гипотезы.

Оборачивание проблемы иногда способно дать некоторый прирост неочевидных знаний и открыть новые возможности для проникновения в ее глубины, но не в состоянии само по себе раскрыть то, что составляет ее тайну и хранится, может быть даже и не в самых глубоких глубинах, а всего лишь в «складках» проблематизирующего сознания. После ее оборачивания следует еще раз, теперь уже с помощью другого теоретико-методологического инструментария попытаться так сформулировать исходную проблему поиска, чтобы почувствовать, увидеть иной путь постижения сущности того предмета, который она отражает и чьи муки рождения она выражает.

Можно ли определить суть коррупции без раскрытия природы взятки? Абсолютно невозможно! А можно ли определить суть взятки, не апеллируя к коррупции как вершителю, демиургу и судье? Так ведь именно так все и делают! При этом, есть просто удобный, совсем удобный и единственно удобный способ объяснения того, как и почему в сознании людей размышляющих о данном предмете взятка становится актом, состоянием, событием, феноменом коррупции, а облагороженная взяткой коррупция полностью и безвозвратно поглощает, растворяет в себе различные виды, формы взяточничества, превращаясь, в конечном итоге, в их более, или менее организованное множество.

Очень часто коррупцию, и это является просто удобным, понятным и естественным способом ее определения, представляют в виде «абсолютной формы» (Гегель) взятки, как конкретно-всеобщее отношение минимум двух социальных субъектов, которые с помощью определенных средств и некоторых фиксированных процедур обмена обеспечивают эффективность своего взаимодействия. Иногда, в поисках адекватного ответа на почти риторический вопрос, что же, в конечном итоге, делает их обмен столь эффективным, используют совсем удобный, практически очевидный способ объяснения – берут и отождествляют коррупцию не с взяткой, но посредством обобщения многих и многих взятки, идеализации некоторых качеств, свойств, структурных особенностей, элементной базы, функций их распределения представляют коррупцию в виде «абсолютного содержания» (Гегель) взятки и универсальной процедуры взяточничества.

Можно с помощью единственно удобного способа реконструкции отношения коррупции и взяточничества попытаться разорвать, возникший в результате обобщения и идеализации абстрактный круг, круговорот «самости» взятки и взяточничества. Попробовать выйти за его пределы, определить то, как и почему в процессе их движения, собственно, возникает коррупция сама по себе, появляются условия и причины

Лоскутов В. А.

для ее становления в качестве самостоятельного социального феномена. Но, для этого, как считают некоторые исследователи, необходимо подробнейшим образом реконструировать всю ту иерархию социальных образований и взаимодействий, которые конституируют единое пространство осуществления всякой взятки как его «абсолюта» (Гегель). Что в этом случае будет первичным – моральные и правовые нормы, поведенческие реакции, разнообразные общественные отношения, социальные институты, субъекты, структуры не имеет никакого принципиального значения. Важно лишь то, что взятка является взяткой и способна производить иные взятки лишь на фоне определенным образом организованного общественного производства, которое и является, по их мнению, собственно, коррупцией.

Идя по этому, казалось бы, единственному пути, мы без сомнения сможем разорвать абстрактный круговорот взятки. Однако, при этом нет и не может быть никаких гарантий того, что по ту сторону ее самости мы сумеем обнаружить коррупцию в ее сущностном виде. Переход от абстрактного понимания ее абсолютной формы и абсолютного содержания к определению взятки как абсолюта – способа производства взяточничества, совершающего все свои трансформации и манипуляции на фоне коррупции, можно было бы только приветствовать, ибо он позволяет зафиксировать, понять широкий и многообразный контекст осуществления данного процесса. Но, к сожалению, и в этом случае мы ни на шаг не приблизимся к истинному пониманию того, что есть сущее коррупции. Напротив, несмотря на кажущуюся объективность и цельность полученного результата – способа отождествления взятки и коррупции, мы рискуем вновь оказаться в совершенно иной реальности, в которой ничего кроме самодостаточной взятки, сотворимой и творящей себя и мир вокруг себя не существует, и существовать не может.

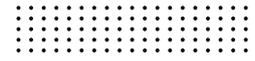
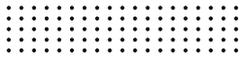
Для того, чтобы разрешить дилемму бытия и сущего коррупции необходимо кардинальным образом изменить способ реконструкции ее отношения с взяткой – необходимо найти то единственное и единое основание, которое делает их взаимопроникающими противоположностями одного и того же социального и исторического целого. Именно это с помощью не простого, не совсем удобного и не единственно удобного способа реконструкции взаимоотношения взятки и коррупции мы и попытаемся сделать в данной статье.

На наш взгляд, большим заблуждением является утверждение о том, что поскольку взятка регулирует отношение между взяткодателем и взяткополучателем, то коррупция, по аналогии с ней регулирует определенные отношения таких универсальных форм их существования, как власть и общество. Коррупция, безус-

ловно, возникает на пересечении тех противоречивых процессов, которые конституируют их связь, но сама по себе ей не является. Точка зрения, согласно которой, коррупция – это особое отношение между «государственным человеком» (А. Платонов), который представляет государственную власть и «гражданином преестественным» (М. Салтыков-Щедрин), является по нашему мнению глубоко ошибочной. Те, кто ее придерживаются вольно, или невольно, но отождествляет коррупцию и взятку. И не имеет принципиального значения тот факт, с помощью какого из трех описанных выше способов, они это делают. Не важно, является в этом случае предметом их изучения обмен, распределение, или производство взятки. Результат всегда будет один и тот же. Вместо понимания сущего коррупции мы получим, более или менее объективно фундированный образ ее осуществления.

Обобщая множество социальных взаимодействий тех странных граждан, которые используют взятку для обеспечения эффективности функционирования их социальных ролей в принципе можно, обладая определенным уровнем фантазийного мышления прийти к объяснению коррупции в качестве особого отношения между властью и обществом. Но полученное таким образом определение будет предельно пустой абстракцией, которая не позволит понять ни предельную сущность данного явления, ни логику его изменения. Для того, чтобы вернуться к конкретно-историческому пониманию сути и природы коррупции следует за ширмой «идеальной», себе тождественной, себя производящей взятки увидеть, во множестве взаимодействующих между собой актов взяточничества найти, во всепоглощающей тьме их консолидированного бытия ту единственную точку, оказавшись в которой некоторая власть и столь же неопределенное общество в результате столкновения между собой, произведут на свет противоречие, развитие и разрешение которого будет своеобразной точкой роста коррупции. Что же это за противоречие? Каким образом оно превращает банальную взятку во всеильную коррупцию?

Ситуация взяточничества всегда до предела конкретна. В ней взаимодействуют не абстрактное общество и такая же неопределенная власть, а некоторые социальные и властные субъекты-единицы, которые особым образом в самом главном и сущностном замещают и представляют важнейшие качественные определения социального целого. С помощью взятки они обмениваются друг с другом самым главным, что определяет качество их существования и сосуществования в данном социуме. Гражданин кладет на алтарь согласия самое дорогое, что у него есть – свою свободу. Но, и чиновник не скупится. В обмен он предлагает то же нечто ценное, что он имеет как «государственный гражданин» – он предлагает свободу власти.

Лоскутов В. А.

В принципе, обмен получается вполне равноценный. А, если при этом еще происходит и приращение свободы, что, в принципе, не обязательно, то нам, тем, кто не участвует в процессе освобождения свободы от свободы остается только прослезиться и порадоваться за двух сообразительных граждан. Но тут возникает самый интересный вопрос: кто и что реально получает в результате, таким образом, организованного, заключенного в рамки означенной выше ситуации взяточничества «кругооборота» свободы?

При различных формах развития товарного производства универсальным средством обмена одного товара на другой являются деньги. Они же, в большинстве случаев, выполняют эту функцию и в процессе «производства» взятки. А что, в таком случае, является средством и результатом обмена «товара» на «деньги» в системе отношений взяточничества? Что оказывается той превращенной формой, которая в результате частого употребления как бы отделяется от процесса расширенного воспроизводства взяток и продолжает не просто жить самостоятельной, полной и насыщенной жизнью, но из самой себя при наличии определенных условий начинает производить коррупцию? Что же, все-таки, остается людям, после того как взяткодатель и взяткополучатель обменялись между собой с помощью денег и услуг своими свободами и разошлись по разные стороны разделяющей их баррикады власти? Людям остается не мало – в сухом остатке им остается *несвобода*. Связь и столкновение несвободы с отношением взяточничества как своеобразным актом свободы и является тем противоречием, которое инициирует, конституирует процесс превращения банальной взятки и ситуации взяточничества в акт всепоглощающей коррупции.

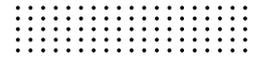
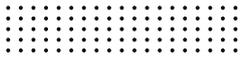
Взяточничество является своеобразным ключом, открывающим скрытый в глубинах общественного производства чудный и самодостаточный, сверкающий всеми цветами радуги мир коррупции. С его помощью *открывается* не только неизбежность существования, но и его возможность быть самодостаточным явлением в системе целостного общественного производства. Взяточничество не только открывает, устанавливает фактичность существования коррупции, но и *раскрывает* содержание и форму движения данного феномена. Его способность производить и раскрывать себя в том, что ему удалось в себе открыть. Кроме этого, взяточничество опосредует и процесс «возвращения» открытой и раскрытой коррупции в мир целостного общественного производства. Опосредует процесс *реализации* ее в качестве источника и производительной силы исторического развития данного социума.

Посредством взяточничества мир коррупции открывается, раскрывается и реализуется в качестве особенного феномена целостного общественного про-

изводства. Он открывается как форма существования общественного богатства. Раскрывается в виде определенной системы его общественного производства. И реализуется в качестве устойчивого и воспроизводимого способа производства коррумпированной социальной реальности – в качестве способа бытия коррупции в мире.

Коррупция представляет собой своеобразный итог, определенный результат процесса общественного производства взятки и взяточничества в качестве устойчивых и воспроизводимых форм осуществления общественного богатства. Она является результирующей формой процесса их производства, произведенной формой их существования. При определенных условиях коррупция из произведенной становится производящей, обеспечивающей расширенное воспроизводство самой себя в качестве механизма устойчивого и постоянно возобновляемого роста и качественного обновления взяток и взяточничества. Если в первом случае, коррупция существует в виде формы общественного богатства, то во втором она обнаруживает себя в качестве полноценной системы общественного производства, в том числе, и этой формы. Включает в себя относительно независимые процессы обмена, распределения, производства и потребления взяточничества и взяток. Когда в основании данной системы появляется некая форма собственности на произведенный продукт, коррупция превращается в постоянно действующий источник, способ производства той системы общественной жизни, которая, в конечном итоге, сделала ее произведенной и производящей формой движения определенной социальной реальности. Тем самым она делает возможным и необходимым процесс превращения расширенного воспроизводства взяток и взяточничества в способ производства предельных оснований общественной жизни целостного социума.

Взяточничество отводит от самого себя все сокрытия, что позволяет ему открыть в себе существенное различие между процессом и средством своего осуществления – между собственно процессом взяточничества и взяткой. Мы уже отмечали, что взятка, по своей сути, является способом выявления в ситуации взяточничества свобод участвующих в этом процессе акторов. И не только способом их обнаружения, но и формой превращения в нечто единое и неразделимое. В свою очередь, закрепление свобод за взяткой, их консолидация и, в конечном итоге, полное отождествление в форме взятки ведет к тому, что взяточничество становится сферой абсолютной несвободы – взятка освобождает его от свободы и превращает в мир тотальной несвободы. Этот странный, расколотый мир несвободы, в котором лишь взятка является свободной, и есть первоначальный образ целостного мира коррупции. Совсем по-другому начинают взаимодейство-

Лоскутов В. А.

вать между собой свобода и несвобода, когда этот мир с помощью все той же взятки и взяточничества начинает раскрывать самого себя.

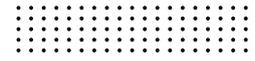
Взяточничество не только открывает в самом себе коррупцию, но раскрывает ее как относительно самостоятельный социальный феномен – как единство процессов обмена, распределения, производства, потребления некоторых конкретно-всеобщих форм существования общественного богатства. Каждая из этих форм является конкретно-всеобщим способом синтеза взятки и коррупции, в результате которого коррупция превращается из произведенной в производящую форму общественного богатства, а свобода и несвобода начинают опосредовать друг друга как противоположности единого противоречия.

Коррупция появляется на свет в виде способной к свободному, относительно независимому от процесса взяточничества обращению взятки. Она возникает, как мы уже отмечали, в процессе «обмена» свобод взяткодателя и взяткополучателя, превращения взятки в форму существования и консолидации этих свобод и обращения отношения взяточничества в освобожденную от каких-либо свобод реальность. Но становится она относительно самостоятельным феноменом в процессе обращения (распределения) взятки, их блуждания по разным сферам бытия несвободы и странствий по различным ситуациям взяточничества. Только так коррупция обретает свою самость и из Ничто взяточничества становится своеобразным Нечто, которое оказывается способно не только существовать в разных формах, но и быть самим собой. Для того чтобы уметь быть собой коррупция совершает немислимый кульбит. Она освобождает от свободы не отношение взяточничества, но взятку, как единственное средство воспроизводства его целостности. В результате чего взятка из средства связи взяткодателя и взяткополучателя превращается в идеальную форму осуществления всякого отношения взяточничества – освобождается от свободы и становится формой осуществления несвободы коррупции. У данного процесса есть и обратная сторона, которая отражает то, каким образом освобожденное от несвободы взяточничество конституирует свободу в качестве самости коррупции, выражает ее способность за счет взаимопревращения свободы и несвободы быть самой собой. Обратная сторона движения взятки по разным ситуациям взяточничества, раскрывает не просто ее умение быть собой, но способность при определенных условиях быть вполне себе достаточным и полноценным субъектом, но теперь уже не взяточничества, а коррупции. Она фиксирует способность коррупции устанавливать тождество формы (взятку) и содержания (взяточничество) своего движения – способность быть активным проводником их конкретного тождества в целостный мир коррупции. Этим странным, но

очень, как оказалось, плодотворным и эффективно действующим субъектом является *власть*.

Где бы, в какой точке социального пространства и времени не появлялась взятка, везде она оставляет свои следы в виде несвободы. Коррупция не только их не замечает, но с помощью множества отношений взяточничества конституирует из них различного рода «пути-дорожки». Отправляясь по ним, любой социальный субъект в результате свободного выбора несвободы оказывается в плену коррупции, которая устанавливает границы и пределы этому процессу. Она решает эту задачу не путем рассеивания и расплывания по телу общества, как это иногда представляется, но посредством превращения ее самости (отношения свободы и несвободы) в субъект, для которого нет более важной задачи, чем восстановление единства формы и содержания коррупции. Если коррупция что-то и производит из бесконечного процесса взаимообращения взятки и взяточничества, то этим нечто является власть. И не просто власть, а власть как субъект коррупции.

В процессе потребления несвободы в форме коррупции происходит своеобразное оборачивание этой формы осуществления целостного процесса общественного производства, на саму себя как системное единство процедур обмена, распределения и производства коррупционных отношений. Его важнейшим результатом является пробуждение, возрождение, осуществление в глубинах самодостаточного мира коррупции взяточничества и взятки, как того с чего, собственно, и началась его реальная история. Когда она оборачивается на себя и начинает с помощью власти потреблять свою самость, а эта процедура призвана завершить процесс системного самоопределения коррупции в качестве формы производства несвободы, в ней вновь на первый план выходят, казалось бы, уже исчезнувшая, растворившаяся в хитросплетениях коррупционных отношений взятка и взяточничество. Но теперь они уже появляются на авансцене коррупции не в той, естественной для них форме, в которой они начинали данный процесс, а в превращенной форме, опосредованной ключевыми процедурами системы общественного производства коррупции. Казалось бы, какая разница. И в том и в другом случае мы имеем дело с взяткой. Однако, взятка как средство взаимодействия взяткодателя и взяткополучателя существенным образом отличается от взятки устанавливающей и регулирующей отношения между различными процедурами системы производства коррупции. В процессе потребления коррупции взятка становится формой ее осуществления. Она не только консолидирует свободу участников отношения взяточничества, но и рождает несвободу. Освобождает коррупцию от свободы и делает власть способом осуществления ее несвободы. В этом процессе взятка становится средством власт-

Лоскутов В. А.

ного принуждения всех участников коррупционного сговора к несвободе. В то же самое время взяточничество превращается из отношения двух субъектов по поводу взятки в способ самоопределения коррупции как относительно самостоятельного, самодостаточного социального феномена. Оно не просто воспроизводит, но моделирует процесс развития и разрешения противоречия свободы и несвободы коррупции. Напомним, что в процессе обмена взяточничество устанавливает их существенное различие. В процессе обращения они становятся противоположностями, взаимопроникают и взаимоопосредуют друг друга. Производство коррупции делает их связь противоречием, ведущей противоположностью которого является несвобода, которая с помощью власти самоутверждается в качестве единственной производительной силы коррупции. Когда эти процедуры общественного производства коррупции становятся своеобразными механизмами осуществления взяточничества, появляется не просто бесконечное множество отношений взяткодателя и взяткополучателя, но возникают своеобразные, в достаточной мере устойчивые и возобновляемые типы взяточничества. Каждый из них фиксирует особенный способ освобождения процесса общественного производства коррупции от свободы и способ утверждения в нем в качестве его предельного основания несвободы. Тем самым они замещают и представляют целостный мир коррупции. Их связь образует подвижную, но, тем не менее, постоянную, стабильно существующую и воспроизводимую систему координат реального бытия его целостности.

В результате общественного производства коррупции взятка и взяточничество вновь возвращается к жизни, но теперь уже в качестве не источников, а в виде предельных оснований его системного бытия. Они оживают и обнаруживают себя в новом качестве опосредованно становлением *способа производства коррупции*, который особым образом соединяет в себе средства ее производства и те производственные отношения, которые делают возможным и необходимым не только воспроизводство, но и обновление социальной природы коррупции.

Основным средством производства коррупции является взятка. Она из средства становится производительной силой коррупции опосредованно различными формами ее движения (способами изготовления) в системе общественного производства коррупционных отношений. Среди этих отношений особенно выделяются те, которые не просто сопровождают определенные изменения взятки, но превращают ее в средство, форму, способ властного принуждения к несвободе. Для того, чтобы понять каким образом происходит «самодвижение» взятки в рамках системы общественного производства коррупции и как единство взятки и взяточничества становится способом ее

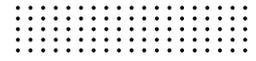
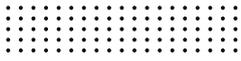
производства, необходимо объяснить то, как и почему они из продуктов производства становятся постоянно действующим началом ее целостного воспроизводства и обновления – необходимо объяснить то, как в этом процессе становится определенной форма собственности на произведенные в нем продукты. И, в первую очередь, собственность на взятку.

Тот, кто владеет, распоряжается и пользуется взяткой, тот и является в системе отношений взяточничества коррупционером. И их, как минимум, два – взяткодатель и взяткополучатель. Если же мы выйдем за рамки этих отношений и попытаемся реконструировать основные траектории движения взятки в системе коррупционных отношений, то увидим, что владение, распоряжение и пользование взяткой осуществляет один субъект – им является власть и только власть. Ее собственность на взятку означает не что иное, как способность власти посредством взятки обеспечивать производство, воспроизводство и обновление коррупции как несвободы.

Освобождая в форме взятки процесс взяточничества от свободы, власть обеспечивает производство несвободы. Путем освобождения с помощью взятки самой себя от свободы она регулирует воспроизводство несвободы. Наконец, посредством взятки власть иницирует и направляет процесс обновления несвободы – освобождает от свободы не отношение взяточничества и не саму власть, но систему производства коррупции. В результате такого рода тройного освобождения, коррупция превращается в функцию власти – становится основополагающей функцией ее реализации в условиях тотальной несвободы.

В основе коррупции как определенного способа общественного производства лежит не частная, или корпоративная, как это представляется большинству исследователей природы данного феномена, собственность на должность, Справедливости ради, следует признать, что генетически и системно она возникает именно в процессе взаимодействия взяткодателя и взяткополучателя. Но становится и осуществляется она как *собственность на власть*, которая фактически оказывается предельным основанием способа производства коррупции лишь в процессе обращения отношения взяточничества в коррупцию.

Когда, напротив, способ производства коррупции опосредует процесс самоопределения собственности на власть, она качественно изменяется и возникает система форм ее осуществления, которая, в конечном итоге, раскрывает то, каким образом коррупция разрешает противоречие свободы и несвободы. Только та власть способна владеть, распоряжаться и пользоваться свободой, которая умеет владеть, распоряжаться и пользоваться самой собой и такой системной формой своего бытия, как коррупция. Только овладев этим не

Лоскутов В. А.

простым умением, она может установить власть власти (коррупции) над свободой, властью и их единством (несвободой). Критерием эффективности действий властвующей с помощью коррупции власти в каждом из этих случаев остается рост и всемерное развитие несвободы. Собственность власти на власть, будучи основанием способа производства коррупции и формой его осуществления в системе общественного производства инициирует его освобождение от свободы. Она особым образом запускает, организует и контролирует механизм коррупционного принуждения свободы, власти и общества к несвободе.

Собственность власти на власть – это единство таких отношений и процедур, которые конституируют превращение всякого процесса взяточничества в коррупцию и оборачивание коррупции в способ производства самой себя, но не просто в качестве относительно самостоятельного социального феномена, а как развернутой системы координат развития целостного социума. Опираясь на эту собственность, коррупция становится системой различных траекторий его движения, каждая из которых фиксирует определенный способ производства коррупцией *целостного, непрерывного и направленного* развития данного социума.

Власть власти над властью, свободой и обществом осуществляется опосредованно способом производства коррупции, который, собственно, и задает систему координат развития социума, конституирует целостность, непрерывность и направленность его изменения. Этот способ производства в достаточной степени операционален. Он представляет собой единство трех основных процедур *освобождения свободы от свободы*, трех различных механизмов разрешения основного противоречия развития социума – противоречия свободы и несвободы.

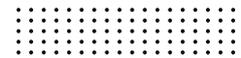
Коррупция освобождает свободу от свободы и превращает ее в своеобразное Ничто – полагает освобожденную от свободы свободу как в себе неопределенную, нерасчлененную и незавершенную в своей самости несвободу. Она делает социум несвободным и, тем самым, выявляет целостность его бытия, фиксирует факт его существования в качестве единого и неделимого пространства пускай даже еще и предельно абстрактной (свободы освобожденной от свободы) несвободы.

Освобожденная от свободы свобода (несвобода) возвращает себе свободу в форме власти, которая при помощи коррупции радикальным образом уничтожит саму себя как способ отрицания свободы и свою, приобретенную в этом процессе свободу. Посредством коррупции власть обретает свободу и с ее помощью освобождается от нее. В результате социум становится не просто несвободным и целостным, а целостным в своей несвободе – тотально несвободным. Корруп-

ция открывает в нем своеобразный «вечный двигатель» несвободы – свободу власти, которая превращает общественное развитие в непрерывный процесс освобождения власти от свободы. Она обеспечивает удержание в едином синтезе несвободы всякого отдельного проявления свободы власти и власти свободы.

Освобождение с помощью коррупции от свободы не только свободы и власти, но самого процесса освобождения ведет к тому, что постигая саму себя в целостности и тотальности несвобода обретает сама в себе свою субстанцию и на ее основе становится способом изменения направленности собственного бытия. Превращается в ведущую противоположность ее противоречивого единства со свободой. Этой субстанцией и, одновременно, субъектом развития коррупции является *общество*. Оно и только оно делает коррупцию не только целостным и непрерывным процессом освобождения от свободы, но и направленным процессом освобождения социума от любых форм освобождения. И, в первую очередь, освобождения от действительных и возможных способов освобождения социума от несвободы. В результате достижения обществом коррупционного согласия с самим собой оно обретает искомую субъектность-субстанциональность, которая проявляется в виде направленного процесса качественного изменения системной природы коррупции. В этом процессе происходит невероятное – общество открывает, раскрывает и реализует сущность коррупции.

Главный итог самоопределения социума в системе координат, которую посредством установления власти власти над властью и свободой, путем освобождения свободы, власти и общества от свободы создает для него коррупция, заключается в том, что в результате качественного изменения целостности, непрерывности и направленности его развития системообразующей производительной силой воспроизводства и обновления коррупции становится не власть и не коррупция сама по себе – ей становится общество. Оно с особой тщательностью и последовательностью осваивает и присваивает коррупцию, превращая ее, тем самым, из развернутой системы координат развития социума в единственно возможный способ обнаружения собственной сущности. Именно общество выявляет, открывает и раскрывает в бытии коррупции то, что можно было бы назвать ее сущностью – *властное принуждение к несвободе*. Только то общество, которое в состоянии эту сущность присвоить, может создать необходимые и достаточные условия для ее осуществления, реализации в качестве источника и начала развития целостного бытия коррупции – источника ее превращения в самодостаточный, способный к целостному, непрерывному и направленному развитию мир коррупции.

Лоскутов В. А.

Подведем краткие итоги проделанной в этой части нашего исследования аналитической работы. Нет никаких сомнений в том, что коррупция возникает из отношения взяточничества и взятки. Она становится относительно самостоятельным феноменом общественного производства по мере того, как взятка и взяточничество открывают в нем в качестве предельных оснований его системного бытия свободу и несвободу. Коррупция превращается в основную производительную силу общественного производства в процессе и результате установления власти над властью и свободой. В процессе освобождения свободы, власти, общества от свободы она обретает свою сущность и открывает самую важную тайну ее бытия – коррупция становится субъектом всех своих превращений лишь тогда, когда ее субстанцией оказывается общество.

Богатейший исторический материал, необходимый и важный для построения непротиворечивой системы доказательств, сформулированных выше, далеко не очевидных теоретических выводов представляет современная история России. В процессе его осмысления, как нам это представляется, может появиться вполне реальная возможность выделения и продуктивного анализа различных исторических типов коррупции, определения путей и способов реальной и системной, а не эфемерной и беспорядочной борьбы с этим социальным злом. Превратить эту возможность в действительность мы попытаемся в следующей статье.

Литература:

1. Антикоррупционные библиографии [Проектно-учебной лаборатории антикоррупционной политики НИУ ВШЭ] [электронный ресурс]. URL: <https://lap.hse.ru/anticorrbiblio> (дата обращения 09.10.2018)
2. Библиография материалов по коррупции на русском языке [электронный ресурс]. URL: <http://anti-corr.ru/bibliografiya-materialov-po-korrupsii-na-russkom-yazyke/> (дата обращения 09.10.2018)
3. Библиография по теме «противодействие коррупции» / Сост. Алексеева П. А., Журавлева О. О., Лукьянова В. Ю., Цирин А. М.; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М., 2012. С. 42.

References:

1. Anti-corruption bibliographies [HSE Anti-Corruption Policy Research Laboratory] [e-resource]. URL: <https://lap.hse.ru/anticorrbiblio> (date of reference 09.10.2018)
2. Bibliography of materials on corruption in Russian [e-resource]. URL: <http://anti-corr.ru/bibliografiya-materialov-po-korrupsii-na-russkom-yazyke/> (date of reference 09.10.2018)
3. Bibliography on the topic “anti-corruption” / Comp. Alekseeva P. A., Zhuravleva O. O., Lukyanova V. Yu., Tsirin A. M.; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. M., 2012. P. 42.